

СИНТАКСИС СВЯЗЕЙ / SYNTAX OF CONNECTION

Согласование в русском языке: морфологическая, синтаксическая и семантическая сущность

И. Е. Ким

Morphological, syntactic and semantic nature of agreement in Russian

I. E. Kim

Игорь Ефимович Ким – доктор филологических наук, доцент; Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: kimkim27601@yandex.ru

Статья поступила. 10.02.2023. Принята к печати: 30.04.2023.

Igor E. Kim —Dr. Sci. in Philology, Associate Professor; Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

ORCID 0000-0002-5571-4719

Received: 10/02/2023. Accepted for publication: 30/04/2023.

Статья посвящена описанию морфологических, синтаксических и семантических принципов согласования в русском языке. Среди описанных в научной литературе признаков согласования есть, по крайней мере, три, которым противоречат факты согласования в современной речевой практике: 1) согласование представляет собой синтаксическую связь, которая действует в пределах словосочетания или предикативной единицы; 2) синтаксическая связь согласования является подчинительной, по крайней мере одним из компонентов в ней выступает доминирующее в сочетании существительное или иные субстантиваты; 3) направление зависимости определяется структурным принципом «от главного к зависимому». Первому признаку противоречит то, что существует согласование анафорического местоимения и его antecedента, которые могут располагаться в разных предикативных единицах, в разных предложениях, которые к тому же могут располагаться дистантно. Обязательность второго и третьего признаков подвергается сомнению в связи с наступлением активной фазы разрушения системы падежа в русском языке. «Ослабление падежной функции» русского существительного (М. Гловинская) привело к тому, что связь управления устанавливается не с зависимым существительным, а с ближайшим к глаголу или другому управляющему слову компонентом зависимой синтаксической группы. В этом случае в нужную падежную форму ставится ближайшее слово. Таким ближайшим словом может быть в составе сочинительного сочетания существительное с омонимичной падежной формой, с которым случайным образом согласуется существительное с неомонимичными падежами, например: *Нет дочери* (Род./Дат./Предл. падеж) и **сестре* (вместо *сестры*). Ближайшим словом может быть прилагательное с омонимичной падежной формой, а существительное с неомонимичными падежными формами случайным

The article is concerned with the description of morphological, syntactic and semantic principles of agreement in the Russian language. Among the features of agreement described in the scientific literature, there are at least three that are contradicted by the facts of agreement in modern speech practice: 1) agreement is a syntactic connection that operates within a phrase or a simple sentence; 2) the syntactic connection of agreement is subordinate, one of the components in it is the dominant noun; 3) the direction of dependence is determined by the structural principle “from the main to the dependent”. The first feature is contradicted by the fact that there is an agreement between the anaphoric pronoun and its antecedent, which can be located in different parts of a complex sentence or even in different sentences. The obligatory nature of the second and third features is questioned with the onset of the active phase of the destruction of the case system in the Russian language. The “weakening of the case function” of the Russian noun (M. Glovinskaya) led to the fact that the connection of government is established not with the dependent noun, but with the component of the governed syntactic group that is closest to the verb or other controlling word. In this case, the nearest word is put into the required case form. Such a word can be a noun with a homonymous case form in a coordinative word-combination, with which a noun with non-homonymous cases randomly agrees, for example: *Net docheri* (Gen./Dat./Loc. case) *i *sestre* (instead of *sestry*) ‘There are not the daughter and the sister’. The closest word can be an adjective with a homonymous case form, and a noun with non-homonymous case forms randomly agrees in case with the adjective, for example: *Net moiei* (Gen./Dat./Instr./Loc. case) **sestre* (instead of *sestry*) ‘There is not my sister’. We propose to call this type of agreement linear or probabilistic agreement.

образом согласуется в падеже с прилагательным, например: *Нет моей* (Род./Дат./Твор./Предл. падеж) *сестрой (вместо *сестры*). Такой тип согласования мы предлагаем назвать линейным, или вероятностным.

Ключевые слова: синтаксическая связь, падеж, порядок слов, линейное согласование, вероятностное согласование

УДК 811.161.1

Keywords: syntactic connection, case, word order, linear agreement, probabilistic agreement

OECD: 6.02.OT

V

Постановка проблемы. Русский конструктивный, или формальный, синтаксис пришел в XXI век вооруженным сформированной и устоявшейся концепцией, детализированной терминологией, продуктивной в теоретическом и описательном плане, большим количеством эмпирических исследований, очертивших пространство синтаксических конструкций и синтаксических единиц. Подробно, систематически и многократно описаны показатели связи – служебные слова: предлоги, союзы, частицы, многие связки. Однако активные процессы в русском языке конца XX века привели к необходимости пересмотреть основания и принципы выделения и описания некоторых синтаксических понятий, в частности, представления о согласовании как синтаксическом механизме и синтаксической связи.

В настоящей статье ставится проблема интерпретации согласования с учетом новейших фактов речевой практики в соотношении с явлениями морфологии и грамматической семантикой.

История вопроса. Согласование как вид межсловной синтаксической связи подробно описано в 60–70-х гг. прошлого века, и, кажется, не осталось связанных с ним теоретических вопросов и неясностей. Исследования присловных синтаксических связей [Скобликова, 1971; Попова, 1974 и др.] обозначили применимость формально-грамматического подхода к согласованию как уподоблению зависимого компонента синтаксической связи главному в грамматических характеристиках. По Е. С. Скобликовой, согласование наблюдается в том случае, когда зависимые слова, «все изменяемые формы прилагательных и слова, аналогичные прилагательным по характеру словоизменения, а также личные глаголы воспроизводят в своих формах категории господствующего слова» [Скобликова, 1971, с. 24]. Аналогично рассматривается согласование и в академических Грамматиках 1960 г. и 1980 г. В Грамматике 1960 г. согласование определяется как «такой вид синтаксической связи, когда формы сочетающихся слов объединены общими однозначными или однотипными морфологическими категориями рода, числа, а для имен – также падежа, для глаголов – лица, причем определяющее слово всегда уподобляется в этом отношении определяемому» [Грамматика, 1960, с. 22]. В Грамматике 1980 г. согласование рассматривается как «уподобление формы зависимого слова формам слова главенствующего; такое уподобление осуществляется в тех случаях, когда зависимое слово изменяется по падежам, числам и родам (это – имя прилагательное, включая местоименные прилагательные, порядковые числительные и причастия), по падежам и числам (это – имя существительное) или по падежам...» [Грамматика,

1980, с. 17; автор раздела – Н. Ю. Шведова]. Назовем такой подход к согласованию уподобительным. В Грамматике 1970 г. и учебном пособии по синтаксису современного русского языка В. А. Белошапковой [1977] согласование представлено по-другому: характер влияния главного компонента связи на зависимый связывается не с уподоблением зависимого компонента главному в соответствующих категориях, а с зависимостью его поведения (формы словоизменения) от поведения главного. В Грамматике 1970 г. согласование определяется как «такой вид подчинительной связи, при котором формы рода, числа и падежа подчиняющегося имени предопределены формами рода, числа и падежа подчиняющегося имени» [Грамматика, 1970, с. 488; автор раздела – также Н. Ю. Шведова]. В учебном пособии В. А. Белошапковой предлагается определить согласование «как вид подчинительной связи, при котором зависимые компоненты соотнесены с формальными признаками главных, так что при изменении формы главного компонента меняется форма зависимого» [Белошапкова, 1977, с. 32]. Назовем такой подход к согласованию детерминирующим.

Эти две позиции – уподобления и связанного (детерминированного) морфологического поведения – тем не менее, имеют общие черты.

Перечислим их:

1) в конструкции, внутри которой действует согласование, есть компоненты, которые представляют собой формы слов, изменяющиеся по категориям числа и/или рода и/или падежа и/или лица;

2) согласование – разновидность синтаксической связи;

3) синтаксическая связь согласования подчинительная, то есть один из компонентов главный, второй компонент зависимый;

4) морфологическая форма зависимого компонента, его грамматическая характеристика определяется морфологической формой (грамматической характеристикой) главного компонента. Различие между подходами проявляется в том, каков характер зависимости – уподобление (совпадение грамматической характеристики) или соответствие.

Причина расхождения детерминирующего подхода с формальным заключается в том, что существуют интуитивно понятные соответствия определяемого и определяющего, которые не могут быть описаны как уподобление. Так, В. А. Белошапкова приводит в качестве согласования в роде и числе связь между субстантивированным междометием *ура* и формой прошедшего времени глагола: *грянуло ура*; в лице связь между формой существительного и личной формой глагола: *лес шумит* [Белошапкова, 1977, с. 35-36]. В том и другом случае главное слово не имеет отношения к согласовательной категории. Позиция Н.Ю. Шведовой также связана с учетом взаимодействия подлежащего и сказуемого в составе структурной схемы, но она противопоставляет подчинительную связь согласования и предикативную связь грамматической координации, в которой она видит как раз взаимное уподобление главных членов в соответствующих морфологических характеристиках [Грамматика, 1970, с. 548].

В представленных в кратком обзоре работах есть много интересных наблюдений и нетривиальных решений по большому кругу частных случаев, в

которых конкретное соотношение морфологических характеристик зависимого и главного компонентов расходится с уподоблением как критерием согласования. Так, выявлены случаи неполного согласования не по всем соответствующим категориям, а только по части их них, например, в атрибутивных сочетаниях во множественном числе нет согласования по роду: *новые дома – новых домов* [Грамматика, 1970, с. 488-489]. Описаны случаи смыслового (семантического) согласования, при котором род прилагательного определяется полом лица, обозначаемого существительным, например: *Наш корреспондент связалась с Далласом* (пример Е. С. Скобликовой) [Скобликова, 1971, с. 181-184].

Анализ частных случаев согласования, в том числе «нестандартного», приводится в работах обучающего и методического характера по культуре речи, для учащихся средних школ и для изучающих русский язык как иностранный, ср. [Харчева, 1968; Попов, 2005, 2012а, 2012б и др.], в соответствующих разделах в пособиях и справочниках [Федоров, 1972; Греков, Крючков, Чешко, 1976; Практическая грамматика, 1985; Розенталь, 1997 и др.].

Анализу сложных случаев согласования и их теоретическому осмыслению посвящена также монография Л. Л. Иомдина [1990], который много лет работал над формальным представлением согласования в автоматизированных системах перевода. Как и не вполне образованный носитель языка, компьютерная система требует детального представления грамматических понятий, которое позволяет безошибочно или с минимальной долей ошибок представлять «правильный» текст на русском языке.

Бросается в глаза то, что в монографии в качестве примеров согласования, помимо конструкций с двойным подчинением, сочетаний существительного и количественного числительного, прилагательного в составе количественных сочетаний, личных форм глагола и других, приводятся конструкции, выходящие за пределы словосочетания и даже предикативной единицы, в том числе сложные предложения с анафорической связью, например: *юноша, которого мы встретили вчера; Он учился в гимназии, основателем и бессменным директором которой был мой отец; У него были брат и сестра, каждого из которых он по-своему любил* (примеры Л. Л. Иомдина). Отмечу и другой важный для дальнейшего изложения момент в рассуждениях автора: «Ориентация согласования, вообще говоря, не имеет отношения к направлению синтаксической зависимости» [Там же, с. 61].

Л. Л. Иомдин подверг критике определение согласования В. А. Белошапковой как типичное в традиционном синтаксисе, показав на примерах неточность по сути каждого из положений этого определения (я остановлюсь только на общих для всех приведенных выше определений): согласование – вид подчинительной синтаксической связи; морфологические характеристики («значения грамматических категорий» в формулировке Л. Л. Иомдина) зависимого члена уподобляются морфологическими характеристиками главного члена или обуславливаются ими; зависимый член обладает синтаксически обусловленными (словоизменительными) категориями [Иомдин, 1990, с. 43-50]. На основании анализа очевидных и неочевидных случаев, оцениваемых как согласование, Л. Л. Иомдин дал собственное

рабочее определение согласования. По своей логике это многоступенчатое определение соединяет формальный и детерминирующий подходы.

Таким образом, можно говорить о том, что к концу XX века понятие согласования устоялось в теории синтаксиса русского языка, круг спорных случаев отрефлектирован в работах и справочниках по стилистике и речевой практике, а также в исследованиях по прикладной лингвистике.

Методология и методы исследования. Методологический подход, на котором основана настоящая работа, предполагает, помимо более внимательного обращения к фактам морфологии и грамматического осмысления семантики, обязательность учета языковой ситуации в современной России, в рамках которой в состоянии русского языка в к 80–90-х гг. произошел катаклизм, обусловленный, с одной стороны, сменой социального строя и, с другой стороны, появлением глобальных компьютерных (цифровых) информационных сетей, из которых в наибольшей степени значим Интернет. Этот катаклизм заключается в том, что в массовую и публичную коммуникацию, как звуковую, так и графическую, в качестве активного участника с размахом вошел «рядовой носитель языка», не прикрытый культурными посредниками. В сочетании с ориентацией на американские принципы общественно-языковой практики и позднее с появлением интернет-коммуникации, которая позволяет выступить субъектом публичной и массовой коммуникации рядовому пользователю интернета, произошла демократизация массовой коммуникации, а вместе с ней и ускорение, активизация и выход на поверхность языковых процессов, которые подспудно существовали в языке, скрытые в сфере повседневного общения. В области морфологии русского языка это привело в числе прочего к тому, что М. Я. Гловинская назвала «ослаблением падежной функции», по сути, к началу активной фазы разрушения падежной системы русского языка [Гловинская, 2000; Ким 2012; 2018; 2020 и др.].

В свою очередь, «ослабление падежной функции» стало причиной того, что основанные на категории падежа привычные механизмы управления начали давать сбои и активизировались другие, более «примитивные» языковые механизмы [Ким, 2018, с. 19-21], среди которых одним из наиболее эффективных оказался механизм линейного согласования, когда уподобляющим оказывается не иерархически старший, а употребленный раньше, находящийся в тексте левее компонент.

Прежде чем вводить иллюстративный материал, поясню систему сокращений для обозначения употребленной формы падежа. Далее для удобства будем записывать форму падежа начальной буквой его названия в виде прописной, если же одна флексия может обозначать более одного падежа (потенциальный падеж), то будем обозначать такую форму рядом начальных букв в традиционном порядке следования падежей: ИРДВТП. Таким образом, обозначение потенциального падежа будет иметь вид аббревиатуры, состоящей из инициалей всех падежных форм, маркируемых данной флексией. Астериск при инициали падежа означает, что использована флексия падежа, который не «предсказан» доминирующим словом. Знак + после инициали падежа обозначает, что данное слово потенциально управляет падежной формой, маркированной инициалью.

Проиллюстрируем с использованием этой системы обозначений последний тезис: *Я думаю, что вы не слишком пострадали от (P+) вот этих (РП) вот всяких (РП) индексах (*П) k и m* (<https://youtu.be/OnlyCNrSH3I24'02>"); *Прежде чем писать об (П+) этих (РП) талантливых (РП) актеров (*Р), хотя бы узнайте правильную информацию, а потом выкладывайте* (<https://zen.yandex.ru/media/id/5a631bd89b403c54425785bb/aktery-chiu-kareru-v-kino-sgubil-alkogol-5b5ac25ccf999300abd2597e?from=feed> 07.08.2018). Как видим, управляющее слово имеет валентность в первом примере родительного падежа, а во втором примере предложного падежа. В первом и во втором случаях прилагательное употреблено в омонимичной форме родительного-предложного падежа, при этом в обоих примерах выбор падежа случаен и ошибочен, но ограничен возможностями прилагательного, то есть существительное в падеже согласуется с прилагательным, а не наоборот.

Актуализация в конце XX века линейного согласования в адъективно-субстантивных (атрибутивных) сочетаниях требует возвращения к осмыслению природы и назначения этого вида связи и синтаксического механизма.

Анализ материала. Согласование как вид синтаксической связи, основанный на совпадении или соответствии значений параметров морфологических категорий падежа, рода, числа и лица оказывается связан с важными характеристиками русской флективной морфологии.

Одним из важных свойств русского языка как флективного является высокая степень автономности слова. Она реализуется в способе существования слова в речи в виде словоформы, которой одна флексия обеспечивает полный набор формальных признаков всех необходимых морфологических категорий. Так, существительное, актуализированное в составе предикативной единицы (в дальнейшем – ПЕ), получает формальные признаки числа и падежа, имея, как правило, постоянный признак рода.

Подробнее остановимся на понятии формального признака (далее – ФП). К сожалению, приходится ввести специальное понятие для различения формальной характеристики словоформы, с одной стороны, со значением (семантикой) морфологической категории и, с другой стороны, граммемой, рядом форм, в совокупности представляющим один из членов оппозиции в составе категории. Различение граммемы (термин К. Пайка, см., например, [Pike, 1957]) как ряда форм в составе морфологической категории, противопоставленного другим рядам, и грамматического значения как семантики морфологической категории см. в [Бондарко, 1976]], однако для словоформы, входящей в состав граммемы, привычным термином для формального признака остается *грамматическое значение*. Ср., помимо приведенного выше употребления Л. Л. Иомдина, типичное выражение в одном из пособий по морфологии русского языка: «Например, словоформа *стена* имеет грамматические значения женского рода, единственного числа, именительного падежа» [Карпов 2019: 4].

Таким образом, граммема, в нашем понимании, это единица плана выражения грамматической категории, ряд форм, противопоставленный другим рядам в рамках категории. Для нее существует название, ср. граммема единственного числа в пределах категории числа. Семантика категории числа и граммем внутри нее должна

описываться отдельно, в частности, мы понимаем, что у этой категории есть количественная и референтная семантика.

Для словоформы как речевой реализации лексемы и представителя в речи одной из граммем морфологической категории отнесение к граммеме для удобства назовем формальным признаком категории.

Таким образом, словоформы каждого слова в составе ПЕ характеризуются отнесением к набору граммем и, соответственно, своим набором ФП.

При этом автономность словоформы не означает суммарной целостности ПЕ. Целостность обеспечивается перекрестной системой морфологических классов (частей речи) и морфологических категорий. Схему пересечения частей речи и морфологических категорий можно увидеть в Таблице 1.

Таблица 1. Пересечение морфологических категорий и частей речи

	Существительное	Числительное	Прилагательное и причастие	Личные местоимения	Личные формы глагола
Число	+	- +	+	+	+
Род	+	- +	+	- +	+
Падеж	+	+	+	+	-
Одушевленность	+	- +	(+)	+ (всегда одушевленные)	-
Лицо	-	-	-	+	+

Более светлым оттенком выделены зоны пересечения части речи и морфологических категорий, которые по своей природе предназначены для обозначения соответствующих свойств реалий. Более темным оттенком выделены совпадающие категории, требующие в определенных условиях установления соответствия у слов данной части речи с другими словами. Знак «+» обозначает наличие категории, знак «-» обозначает отсутствие категории, сочетание «-+» обозначает тенденцию к утрате категории, а заключение знака «+» в скобки «(+») – согласовательный (только уподобительный) характер словоизменения в рамках категории.

В таблицу не вошло наречие, поскольку оно не имеет морфологических категорий, которые требовали бы соответствия со словами других частей речи.

Относясь к определенной части речи, слово имеет ФП нескольких морфологических категорий, в совокупности обеспечивающих словоизменительное своеобразие части речи, но при этом по отдельности характеризующих, как правило, не одну часть речи.

С семантической точки зрения, с учетом двусторонней природы морфологической категории, каждый ФП отражает с той или иной степенью абстрактности, свойственной морфологической семантике, свойства реалии, обозначаемой в ПЕ. А перекрестная система категорий заставляет слова в пределах ПЕ выражать эти свойства несколько раз, в словоформах разных лексем, часто относящихся к разным частям речи, см. Рис. 1.

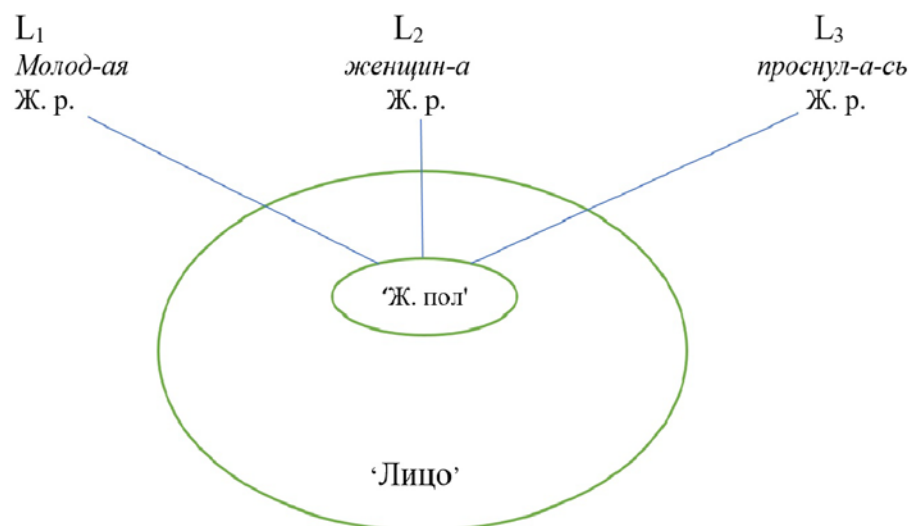

Рис. 1. Пример отражения характеристик реалий в ФП словоформ

Такая автономность слова в речи имеет, безотносительно к взаимодействию с другими словами, коммуникативные, номинативные и компетентностные удобства и неудобства.

Явным коммуникативным удобством является то, что по отдельному фрагменту целого – словоформе в составе предикативной единицы – адресат сможет восстановить некоторые потенциально не обозначаемые употребленным словом детали этого целого. Так, по словоформе *проснулась*, даже вне конституции, с некоторой степенью надежности можно будет сказать, что прекращение состояния, обозначенное основой глагола *проснуться*, совершается одним лицом женского пола (ср., однако, *Вся семья проснулась*). Номинативное неудобство такой автономности заключается в необходимости для автора приписывать определенный ФП нескольким словам, причем, учитывая отнесение их к одной реалии, у актуализированных в составе ПЕ слов этот ФП должен совпадать или соотноситься другим, более сложным образом.

Вторым, компетентностным, удобством оказывается синтагматический способ приписывания ФП слову, в частности ФП падежа, числа и рода существительному с помощью прилагательного или личной формы глагола, например: *Лунный сонник указывает, что черное (ср. р., ед. ч., И) пальто (?) во сне с наибольшей вероятностью сбивается (ед. ч.) на протяжении первых двух четвертей лунного цикла* (<https://astrolore.ru/sonnik/chernoe-palto/>). Обратной стороной такой выгоды

является возможность конфликта флективного и синтагматического выражения какой-либо категории, например: *Теперь же, может быть, они в эту самую минуту в трактире этом сидят с братцем Иваном Федоровичем, так как Иван Федорович* (ед. ч. с количественной и референтной семантикой) *домой обедать не приходили* (мн. ч. с социальной семантикой), *а Федор Павлович* (ед. ч. с количественной и референтной семантикой) *отобедали* (мн. ч. с социальной семантикой) *час тому назад одни* (мн. ч. с социальной семантикой) *и теперь почивать легли* (мн. ч. с социальной семантикой), *почивать изволили* (мн. ч. с социальной семантикой) (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы).

Пересечение морфологических категорий и частей речи отражается, таким образом, в составе ПЕ в пересечении ФП актуализированных в составе ПЕ словоформ разных частей речи. Обратим внимание на то, что это пересечение имеет, как и любая языковая сущность, формальную сторону – уподобление или соответствие ФП – и содержательную сторону – отражение в ФП разных слов свойств обозначаемой реалии. Таким образом, соответствие, лежащее в основе согласования, носит дихотомический характер, характерный для любых знаковых сущностей.

Собственно говоря, морфологическая избыточность, требующая совпадения или соответствия ФП у разных словоформ, входящих в состав ПЕ, и порождает синтаксическую связь согласования. Совпадение ФП является ее формальным механизмом, а результирующее взаимодействие словоформ порождает синтаксическое поведение (взаимное линейное положение, контактность / дистантность, блокирование или добавление валентностей и др.), иерархию и выражает синтаксическое отношение, которое обычно трактуется как определительное в атрибутивных сочетаниях, количественное в нумеративных сочетаниях и предикативное в паре подлежащее – сказуемое.

Современная грамматическая семантика способна трактовать отношения при согласовании более содержательно и разнообразно, хотя и данный одно-однозначный список довольно содержателен: определительные отношения сужают объем понятия, выражаемого существительным, соединение количественного числительного с существительным обозначает количество обозначаемых существительным реалий, а согласуемое сказуемое предсказывает подлежащему процесс, состояние, характеристику или иное положение дел.

Однако одна и та же реалья отражается более чем один раз не только в ее отдельных свойствах словами разных частей речи в составе ПЕ, но и целиком кореферентными языковыми выражениями на большей длине текста. Такое повторное обозначение реалии с помощью анафорического местоимения требует совпадения ФП местоимения и его антецедента как синтаксического механизма, обеспечивающего способность устанавливать соотношение местоимения с антецедентом. Такое соотношение является слабым вследствие большого синтаксического расстояния, наличия других претендентов на звание антецедента, иначе именуемого референциальным конфликтом [Кибрик, 1987]), а также потому, что согласование анафорического местоимения является неполным: оно устанавливается по числу, а в единственном числе и по роду, исключая важную категорию падежа. Падеж анафорического местоимения вовлечен в синтаксическую

структуру ПЕ, в которой оно выполняет ту или иную синтаксическую функцию, например: *Но Наташе* (ед. ч., ж. р., Д) *самой нужно было видеть доктора. Ее* (ед. ч., ж. р., В) *наильно отослали со мной* (Л. Толстой. Война и мир). Местоимение *он* уподобляется в роде и числе существительному *Наташа*, но постановка местоимения в В. падеж связана с его ролью пациенса и синтаксической функцией прямого дополнения.

Таким образом, наблюдается два регулярных случая согласования: при межсловной синтаксической связи с зависимым компонентом, имеющим согласовательные словоизменительные категории, и при анафоре.

Обратим внимание на следующий важный факт, связанный с согласованием анафорического местоимения с антецедентом: такое согласование носит по большей части линейный характер. Сформулирован общий принцип анафоры – предшествование антецедента местоимению [Зализняк, Падучева, 1975]. Таким образом, на большом синтаксическом расстоянии (от соседних ПЕ до масштаба текста) главный компонент кореферентной пары «полнозначное выражение – анафорическое местоимение» занимает линейно первую позицию. Об этом говорит и одно из его названий – анте-цедент (*ante* в латыни ‘раньше, прежде’).

Как видим, согласование как вид межсловной синтаксической связи в пределах ПЕ строится по структурному принципу, по которому уподоблению подвергается зависимый в выражаемом отношении компонент – определение или сказуемое. Согласование как дальнедействующий синтаксический механизм при кореферентности, когда отсутствует непосредственная зависимость согласуемого компонента от главного, следует линейному принципу, по которому уподоблению подвергается правый, линейно последующий компонент.

Современное нам «ослабление падежной функции» в русском языке ставит важный вопрос, который не вставал перед синтаксистами в ситуации хорошо отлаженных синтаксических механизмов управления и согласования, и встает сейчас, когда привычный синтаксический механизм разрушается: если для обоих компонентов связи или зависимости категория согласования является словоизменительной, то как определить, какой из них главный, а какой зависимый?

Мы знаем довольно неожиданный ответ по отношению к аппозитивному сочетанию: это независимое словоизменение для обоих компонентов, поскольку оба они являются существительными и поэтому имеют одинаковый набор словоизменительных категорий, а совпадение ФП определяемого и приложения обусловлено тем, что они обозначают одну и ту же реалию [Скобликова, 1971, с. 216-225].

Есть ответ на этот вопрос и в отношении к общему случаю согласования существительного с количественным числительным: согласуемым в паре выступает числительное [Ким, 2018, с. 11-14]. А в настоящее время этот же вопрос стоит задать по отношению к привычным для нас атрибутивным сочетаниям.

Результаты анализа. Итак, как установить, какой из компонентов в атрибутивном сочетании является главным, а какой зависимым?

Помочь может парадигма склонения существительного и прилагательного. Дело в том, что падежная парадигма разных частей речи и разных типов склонения

имеет омонимичные формы. Для каждого из типов склонения набор омонимичных форм разный.

У существительного в единственном числе различаются типовые парадигмы 1, 2 и 3 склонения. В 1 склонении омонимичны формы Д и П. Во втором склонении омонимия форм касается только категории одушевленности: у неодушевленных существительных омонимичны формы В и И, а у одушевленных – В и Р. В третьем склонении омонимичны формы Р, Д и П. У прилагательного в единственном числе в мужском и среднем роде нет омонимичных форм, кроме форм, связанных с категорией одушевленности, в женском роде омонимичны формы Р, Д, Т и П.

Во множественном числе у существительного, как и во 2 склонении существительного в единственном числе, омонимия касается только категории одушевленности: у неодушевленных существительных омонимичны формы В и И, а у одушевленных – В и Р. У прилагательных, помимо омонимии, связанной с одушевленностью, которая имеет согласовательный характер, во множественном числе омонимичны формы Р и П.

Представим сложное соответствие падежных омонимов в виде таблицы:

Таблица 2. Омонимичные падежи в склонении существительных и прилагательных

Число	Род	Тип склонения	И	В	Р	П	Д	Т
Ед.	М. и С.	2 сущ. одуш.	И	РВ		П	Д	Т
		2 сущ. неод.	ИВ		Р	П	Д	Т
		Прилагательные	ИВ		РВ		П	Д
	Ж.	1 сущ.	И	В	Р	ДП		Т
		3 сущ.	ИВ		РДП			Т
		Прилагательные	И	В	РДТП			
Мн.	Сущ. одуш.			РВ		П	Д	Т
	Сущ. неод.		ИВ		Р	П	Д	Т
	Прилагательные		ИВ		РВП		Д	Т

Типы склонения сгруппированы не по совпадению флексий, а по составу омонимичных падежей. Омонимичные падежи выделены заливкой. Более светлым оттенком выделен омонимичный ИВ падеж; более темным – омонимичные косвенные падежи в разных сочетаниях.

Согласно структурному принципу согласования, омонимичные формы прилагательных употребляются с неомонимичными формами существительного в соответствии с синтаксическим поведением существительного, например: *А Сережа перестанет спрашивать или думать о (П+) моих (РП) двух (РП) мужьях (П)?* (Л. Толстой. Анна Каренина). Выбор падежа прилагательного в паре определяется тем, какой падеж выбран для существительного, см. Таблицу 3.

Таблица 3. Выбор падежа прилагательного при структурном согласовании

Управляющее слово	Существительное	Прилагательное (и числительное два)
<i>Нет</i>	Р: <i>мужей</i>	РП: <i>моих двух</i>
<i>Думать о</i>	П: <i>мужьях</i>	

Изучение регулярных случаев смешения падежа в современной речевой практике показывают, что наиболее часто оно происходит в атрибутивных сочетаниях, при этом в них наблюдается именно линейный принцип согласования, когда выбор падежа существительного определяется употреблением падежа прилагательного, например: *Прямо из салона вылез то ли косяк, то ли конструктивная особенность – в мороз, на холодной машине, в районе раздатки появляется криминальный звук, что-то среднее между хрустом (Р+) убитой (РДТП) «гранатой» (*Т) и работой АБС* (<https://wroom.ru/story/id/31777>). Порядок подчинения должен выглядеть так: *хрустом (Р+) – гранаты (Р) – убитой (РДТП)*. В этом случае Р.п. существительного *граната* обусловлен управлением со стороны существительного *хруст*. А отглагольное прилагательное *убитый* должно принять омонимичную форму РДТП *убитой*, пересекающуюся с формой Р *гранаты*. Однако получается, что существительное *хруст* управляет атрибутивным сочетанием *убитая граната*, в котором форму зависимости, падеж РДТП, принимает первый по порядку, левый компонент *убитый*, а существительное *граната* случайным образом принимает форму одного из омонимичных падежей прилагательного, то есть согласуется с ним, а не наоборот, см. Таблицу 4.

Таблица 4. Вариативность падежа существительного при линейном согласовании

Управляющее слово	Прилагательное	Существительное
<i>Хрустом</i>	РДТП: <i>«убитой»</i>	Р: <i>гранаты</i>
		ДП: <i>гранате</i>
		Т: <i>гранатой</i>

Отметим также, что выбор Т.п. не вполне случаен и обусловлен соседством с управляющим словом *хруст* в Т.п., расположенным слева на расстоянии одного графического слова. То есть можно предположить также согласование с управляющим словом вместо управления. Такое явление тоже встречается.

Кроме того, выбор Т.п. вполне может быть обусловлен соседством со словом *работа* в Т.п. справа, то есть, помимо прочего, наблюдается согласование со «случайным соседом» справа, который тем не менее связан с синтагмой *хрустом убитой гранатой* посредством союза *и*, а ближайшим соседом слева у него является форма слова *граната*, ср.: *гранатой и работой*.

Как показывает анализ материала, наибольшая вероятность смешения падежей существительного наблюдается в атрибутивных сочетаниях в Р и П падежах во мн. числе и в Р, Д, Т и П падежах в ж. р. ед. числа.

Возможно линейное согласование и с количественным числительным, например: *Сильные морозы осаждённого города выявили недостатки штатного офицерского пистолета ТТ. Он не мог стрелять уже при (Р+) минус двадцати (РДП) градусов (*Р)* (<https://aeslib.ru/nauka-i-tehnika/vooruzhenie/neizvestnyj-pistolet-velikoj-otechestvennoj.html>).

Прием сопоставления омонимичных и неомонимичных форм в составе синтагмы показал, что наблюдаются случаи линейного согласования и с существительным – однородным членом и/или обобщающим словом, например: *Свободолюбивый Джонни Депп так никогда и не женился на своей Ванессе, которую боготворил, несмотря на двоих (РВ) детей (РВ) — сына (РВ) Джека (РВ) и дочери(*Р)-подростка(РВ) Лили-Роуз Мелоди Депп* (см.: <https://uznayvse.ru/interesting-facts/foto-zvezdnyh-par-nezadolgo-do-rasstavaniya-nichto-ne-predveschalo.html>. Дата обращения 09.03.20019). В данном случае злую шутку с падежом существительного *дочь-подросток* сыграла категория одушевленности. Существительное во множественном числе и существительное мужского рода 2 склонения проявляют одушевленность, принимая омонимичную форму РВ, а в сочинительном сочетании существительное женского рода 3 склонения последовало линейному принципу согласования, случайным образом приняв форму одного из омонимичных падежей – родительного. Отметим также, что на форму падежа существительного *дочь* повлияло и нахождение в составе аппозитивного сочетания *дочь/дочери-подростка*, в котором приложение также употреблено в «одушевленном» РВ падеже. Продемонстрируем и обратный пример, в котором сработала «ложная одушевленность» в аппозитивном сочетании: *Международный олимпийский комитет принял решение о пожизненной дисквалификации скелетонистов (РВ) Александра (РВ) Третьякова (РВ) и Елену (*В) Никитину (*В), которые в Сочи принесли в копилку сборной РФ золото и бронзу...* (https://rueconomics.ru/290557-voevat-oni-tozhe-tak-zhe-sobirayutsya-pobedu-ssha-nad-rf-posle-lisheniya-ee-medalei-sochi-2014-sravnil-i-v-rossii-s-perepisyvaniem-istorii#from_copy).

Обратим внимание на то, что в аппозитивном сочетании *дочери(*Р)-подростка(РВ)* слово в омонимичной падежной форме находится справа от слова, употребленного в неправильном падеже. Это означает, что случайный характер согласования, приводящий к смешению падежной формы, проявляется и при реализации линейного принципа (крайне часто), и в отсутствие его действия (очень редко). Это, в свою очередь, говорит о том, что именно случайный выбор падежа составляет специфику той разновидности согласования, которая приводит к ошибке. Назовем эту разновидность вероятностным согласованием.

Тогда вероятностное согласование в падеже наблюдается в том случае, когда один из компонентов сочетания употребляется в форме, имеющей ФП двух или более падежей, а второй компонент случайным образом принимает форму одного из этих падежей. Как правило, такое согласование наблюдается при препозиции компонента,

имеющего омонимичные формы падежа, то есть при реализации линейного принципа согласования, все чаще заменяющего структурный принцип вследствие «ослабления падежной функции».

Выводы. Итак, согласование в русском языке представляет собой прежде всего синтаксический механизм, основанный на двойном пересечении частей речи и морфологических категорий: в системе словоизменения и в линейно-структурной организации предикативной единицы, сложного предложения и текста. Такое пересечение имеет и семантическую природу: оно позволяет словам разных частей речи отражать важные характеристики обозначаемых в предикативной единице и тексте реалий. Регулярно этот механизм порождает межсловную синтаксическую связь в предикативной единице, именуемую, как и синтаксический механизм, согласованием, а также организует взаимодействие анафорического местоимения и его антецедента, как правило, за пределами предикативной единицы. Связь согласования в общем случае подчиняется структурному принципу уподобления определяющего компонента главному, а при местоименной анафоре механизм согласования в общем случае основан на линейном принципе уподобления правого компонента левому.

Современные тенденции в функционировании падежа демонстрируют факты согласования, противоречащие структурному принципу. Оно все чаще следует линейному принципу и проявляется в вероятностном употреблении падежа постпозитивного главного слова.

Литература

- Белошапкина, В. А. (1977). *Современный русский язык: Синтаксис*. Москва: Высш. школа.
- Бондарко, А. В. (1976). *Теория морфологических категорий*. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние.
- Гловинская, М. Я. (2000). Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок). *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. 2-е изд. Москва: Языки русской культуры, 237–304.
- Грамматика (1980) – Русская грамматика*: в 2 т. (1980). Т. 2: Синтаксис. Москва: Наука.
- Грамматика (1960) – Грамматика русского языка (1960)*: в 2 т. Т. 1: Фонетика и морфология. Москва: Изд-во АН СССР.
- Грамматика (1970) – Грамматика современного русского литературного языка (1970)*. Москва: Наука.
- Греков, В. Ф. (1976). *Пособие для занятий по русскому языку в старших классах средней школы*. 25-е изд. Москва: Просвещение.
- Зализняк, А. А., Падучева Е. В. (1975). К типологии относительного предложения // *Семиотика и информатика*: сборник статей. Вып. 6: Грамматические и семантические проблемы. Москва: ВИНТИ, 51–101.
- Иомдин, Л. Л. (1990). *Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования*. Москва: Наука.
- Карпов, А. К. (2019). *Морфология современного русского языка*. 3-е изд., испр. и доп. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та.
- Кибрик, А. А. (1987). Механизмы устранения референциального конфликта. *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах*. Москва: Наука, 128–145.
- Ким, И. Е. (2018). Тенденция к разрушению русской падежной системы и предсказуемость синтаксической связи в теории синтаксиса В. А. Белошапкиной. *Вестник Томского государственного университета. Серия. Филология*, 51, 9–24. DOI: 10.17223/19986645/51/2
- Ким, И. Е. (2012). Линейный принцип согласования в пределах предикативной единицы. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия. История, филология*, 11(9), 144–148.
- Ким, И. Е. (2020). Лексико-грамматическое окружение и его влияние на форму падежа существительного. *Критика и семиотика*, 2, 129–151. DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-129-151
- Метс Н. А. (Ред.). (1985). *Практическая грамматика русского языка: для зарубежных преподавателей-русистов*. Под редакцией Москва: Русский язык.
- Попов, С. Л. (2005). О семантическом критерии выбора варианта при согласовании в числе сказуемого с подлежащим, выраженным количественно-именным сочетанием. *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія. Філологія*, 46, 10–13.

References

- Beloshapkova, V. A. (1977). *Modern Russian: Syntax*. Moscow: Vyssh. shkola. (In Russian).
- Bondarko, A. V. (1976). *Theory of morphological categories*. Leningrad: Nauka. Leningr. dept. (In Russian).
- Fedorov, A. K. (1972). *Difficult questions of syntax. A guide for the teacher*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).
- Glovinskaia, M. Ia. (2000). Active processes in grammar (based on innovations and mass language errors). *Russkii iazyk kontsa XX stoletiiia (1985–1995)*. 2-nd Ed. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 237–304. (In Russian).
- Grammatika (1960) – *Grammar of the Russian language*. 2 (1). (1960). Moscow: Izd-vo AN SSSR. (In Russian).
- Grammatika (1970) – *Grammar of the Modern Russian literary language* (1970). Moscow: Nauka. (In Russian).
- Grammatika (1980) – *Russian grammar*. (1970). 2: *Syntax*. Moscow, Nauka. (In Russian).
- Grekov V. F., Kriuchkov S. E., Cheshko L.A. (1976). *Addendum for Russian language classes in high school*. 25-e izd. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian).
- Iomdin, L. L. (1990). *Automatic natural language text processing: a matching model*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Karpov, A. K. (2019). *Morphology of the Modern Russian: Ucheb. posobie*. 3 e izd., ispr. i dop. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta. (In Russian).
- Kharcheva, M. A. (1968). Teaching predicate-subject agreement of English speakers. *Russkii iazyk za rubezhom*, 1, 92–95. (In Russian).
- Kibrik, A.A. (1987). Mechanisms for eliminating referential conflict. *Modeling of language activity in intelligent systems*. Moscow, 128-145. (In Russian).
- Kim I.E. (2020) Lexico-grammatical environment and its influence on the case form of a noun. *Critique & Semiotics*, 2, 129–151. (In Russian). DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-129-151
- Kim, I. E. (2012). Linear agreement principle within a simple sentence. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 11(9), 144–148. (In Russian).
- Kim, I. E. (2018). The tendency towards the destruction of the Russian case system and the predictability of syntactic connection in V. A. Beloshapkova's theory of syntax. *Vestnik TSU. Filologija*, 51, 9–24. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/51/2
- Mets N. A. (Ed.). (1985). *Practical Grammar of the Russian Language for Foreign Teachers of Russian Studies*. Moscow: Russkii iazyk. (In Russian).
- Pike, K. L. (1957). Grammatic Theory in Reference to Restricted Problems of Morpheme Classes. *International Journal of American Linguistics*, 2(3), 119–128. DOI: 10.1086/464406 (In Russian).
- Popov, S. L. (2012b). The Russian language and literature are being studied: "grammatical myopia" of agreement in the number of a prepositive adjective with homogeneous members

Попов, С. Л. (2012a). Закономерности исторического развития вариантов согласования в русском языке. *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія. Філологія*, 66, 166–171.

Попов, С. Л. (2012b). Изучаются русский язык и литература: «'грамматическая близорукость'» препозитивного согласования в числе прилагательного с однородными членами – существительными. *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія. Філологія*, 64, 66–71.

Попова, З. Д. (1974). «Согласование», «управление», «примыкание» в русской лингвистической терминологии. *Синтаксические связи в русском языке*. Вып. 1. Владивосток: Изд-во Дальневосточн. гос. ун-та, 3–8.

Розенталь, Д. Э. (1997). *Справочник по правописанию и литературной правке*. Москва: Айрис: Рольф.

Федоров, А. К. (1972). *Трудные вопросы синтаксиса*. Москва: Просвещение.

Харчева, М. А. (1968). Обучение согласованию сказуемого с подлежащим лиц, говорящих на английском языке. *Русский язык за рубежом*, 1, 92–95.

Pike, K. L. (1957). Grammemic Theory in Reference to Restricted Problems of Morpheme Classes. *International Journal of American Linguistics*, 23(3), 119–128. DOI: 10.1086/464406

- nouns. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. Seriiia "Filologiiia"*, 64, 66-71. (In Russian).

Popov, S. L. (2005). On the semantic criterion for choosing a variant within the number agreement of the predicate with the subject, expressed with quantitative-noun combination. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina. Seriiia "Filologiiia"*, 46, 10–13. (In Russian).

Popov, S. L. (2012a). Patterns of historical development of agreement variants in Russian. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina. Seriiia "Filologiiia"*, 66, 166–171. (In Russian).

Popova, Z. D. (1974). “Agreement”, “government”, “adjacency” in Russian linguistic terminology. *Syntactic connections in Russian*. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochn. gos. un-ta, 3-8. (In Russian).

Rosenthal, D. E. (1997). *Handbook of Spelling and Literary Editing*. Moscow: Iris-Press, Rolf. (In Russian).

Zalizniak, A. A., Paducheva E. V. (1975). Toward a typology of the relative clause. *Semiotika i informatika*. Moscow: VINITI, 51-101. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Ким, И. Е. (2023). Согласование в русском языке: морфологическая, синтаксическая и семантическая сущность. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 9–24. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-9-24

For citation:

Kim, I. E. (2023). Morphological, syntactic and semantic nature of agreement in Russian. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(7), 9–24. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-9-24